

ЭЛЬВИРА СМЕЛИК

12+

СЕРАЯ МЫШЬ ДЛЯ
КОРОЛЕВЫ

Эльвира Смелик
Серая мышь для королевы
Серия «Сложный возраст», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69269131

SelfPub; 2023

Аннотация

В каждом классе есть королева – самая красивая, самая популярная, самая... невыносимая. И что делать бедной серой мыши, случайно оказавшейся у неё на пути? Да ещё и запавшей на её парня. Бежать без оглядки? Срочно готовиться к войне? Или всё-таки найдётся другой выход? В дополнение к первому изданию у книги появился эпилог.

Содержание

Катя	4
Марина	9
Кирилл	13
Катя	19
Марина	23
Антон	28
Катя	33
Марина	37
Кирилл	42
Катя	48
Марина	52
Кирилл	57
Антон	63
Катя	68
Марина	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Эльвира Смелик

Серая мышь для королевы

Катя

Как обычно происходит в фильмах? На глаза самому популярному в школе мальчику, скучающему от ежедневного благополучия, случайно попадается неприметная серая мышка или, там, новенькая (на первый взгляд ничего особенного). И вдруг эта мышка превращается в невиданную красавицу, затмевая своим великолепием не только среднестатистических учениц, но и саму королеву класса, общепризнанную законодательницу мод и непременно ту еще стерву. Возмущенная королева принимается строить козни и плести интриги, но, конечно же, проигрывает по всем статьям бывшему серому ничтожеству, с позором низвергается с вершины и вообще проваливается во все мыслимые и немыслимые тартарары.

Кате досталась роль такой вот королевы. Надо же кому-то ее исполнять!

Законы жанра не отменишь. Раз прорвалась в звезды, не важно – по желанию или случайно, – неси свой крест достойно. По правилам.

Хотя нет, королева из Кати вышла не совсем такая, как положено. Не было у нее верной свиты из двух-трех одноклассниц, которые постоянно таскались бы за ней следом, восторженно заглядывали в рот, ловя каждое слово, и копировали прическу и манеру одеваться.

Одиночка-пофигистка, любительница недобро пошутить, высокомерная, равнодушная к чужому мнению и вниманию. Но зато уже дальше все как полагается: красивая, стройная, привлекательная, спортивная, умная и, когда захочет, даже общественно-активная. И блондинка. Натуральная, с густыми светлыми волосами, которые летнее солнце аккуратно и со вкусом осветляет до драгоценного бледно-золотистого не хуже модного парикмахера.

Первого сентября Катя зашла в класс одной из последних. Все парты были уже заняты, кроме одной-единственной – четвертой по счету у окна. Как будто на ней табличка стояла: «Спецзаказ». Или так: «VIP-зона. Королева Екатерина Булатова. Attention. Dangerous for your life».

В течение последних трех лет это было законное Катино место, на которое никто другой претендовать не смел.

Катя усмехнулась. Надо же! Все как всегда, хотя класс сборный, составленный из двух бывших девяток. Два разных свода правил и традиций, а королева по-прежнему одна, и спорить с ней по-прежнему никто не захотел.

Катя равнодушно плюхнулась на трон. В смысле «стул». Осмотрелась.

Слева окно – заключенная в пластиковую раму картина, которая изображает нескончаемую череду однообразных изменений, манит обманчивой свободой за пределами скучной классной комнаты. И все же смотреть в окно гораздо приятнее, чем на выкрашенную светло-желтым стену или заставленные учебниками и пособиями полки встроенных шкафов.

Перед Катей, на третьей парте, сидят две девицы из бывшего параллельного: Кривицына и Самсонова. Кажется, не перепутала. У обеих волосы одинаковой длины, одинаково выпрямлены, одинаково распущены. И цвета почти одинакового – темного. Но Кривицына повыше ростом, это заметно, даже когда они сидят. Обе симпатичные. Но Самсонова внешне нравится Кате чуть больше.

Впрочем, какая разница?

Сзади, на пятой, – родные одноклассники, Жарков и Рукавишников. Вроде не оболтусы... так себе... ничего примечательного. Хотя... Рукавишников выглядит вполне достойно. Но до Антона ему далеко.

Конечно, так и должно быть. Ведь королеве полагается встречаться с самым лучшим парнем в школе. А Антон Мажарин именно такой. На него даже одиннадцатиклассницы с интересом пялятся. Но, извините, он уже занят.

Опять они с Антоном оказались в разных классах после того, как из четырех девярых сделали два десятых. Снова все как всегда. Но, наверное, так даже лучше. А то вместе на

уроках, вместе после уроков, вместе на спортплощадке и в других местах тоже вместе – это уже перебор.

Катя с нежностью поглядела на свою персональную парту, перевела взгляд на пустующий рядом стул. Дальше за проходом, как за приграничной полосой, основная часть одноклассников. И нет среди них тех, на ком взгляд задержался бы дольше секунды, с кем хотелось бы поболтать по душам и наладить близкие отношения.

Почти три года сама по себе. И ни капли не тягостно, наоборот – свободно, просто, спокойно.

Она не сторонится, не прячется, не отмалчивается. Надо – поговорит, или будет делать что-то вместе со всеми, или даст списать, подскажет, поможет. Иногда. Но часто и не просят. Потому что королева, а царственных особ по пустякам беспокоить нельзя. У нее свое место: выше всех, отдельно от всех. И Катю оно устраивает. Очень.

Не нужен ей никто.

Классным руководителем у десятого «А» – химичка Елена Валерьевна. Поэтому класс сидит сейчас в кабинете химии, чересчур просторном и, наверное, оттого немного холодном и неуютном.

Длинный, покрытый огнеупорным пластиком учительский стол стоит на небольшом возвышении и напоминает прямоугольную цистерну, потому что сбоку у него торчит водопроводный кран. А Елена Валерьевна, расположившись между столом и доской, о чем-то рассказывает. А может,

диктует расписание.

Катя не слушает. Не то, чтобы ей на все наплевать, просто... Все как всегда. Привычно, буднично, неинтересно.

Марина

Первое сентября – своеобразный праздник. Это, наверное, единственный праздник, которого никто не ждет с нетерпением. Ни ученики, ни учителя, ни родители, с чрезмерным энтузиазмом утверждающие, что учеба – дело крайне важное. Они твердят об этом с таким упорством, словно пытаются убедить не столько своих непутевых отпрысков, сколько самих себя. Да еще и школу стараются выбрать по сильнее.

– Марина! Этот лицей считается самым престижным в городе. В нем самый высокий средний балл по ЕГЭ и больше всего медалистов.

Марина не слишком любит математику, а еще меньше статистику. Не нравятся ей все эти усреднения, сравнения, аналогии. На новую школу она, так и быть, согласилась, но первого сентября все же планировала сходить в старую, чтобы быть рядом со своими в этот самый тяжелый понедельник учебного года.

– Все равно не будет нормальных уроков! Линейка, классный час, выдача учебников.

– Но тебе тоже нужны учебники!

– Получу на следующий день. Думаете, кому-то захочется взять два комплекта?

Вот и оказалась Марина в новой школе только второго сентября. Отыскала своего нового классного руководителя в кабинете химии, и та отвела ее в класс, где проходил первый урок десятого «А».

До звонка оставалось несколько секунд, и почти все уже расселись по местам. Но Марина смотрела не на одноклассников, а на Елену Валерьевну, которая говорила:

– Ну вот, устраивайся. Там есть парта свободная.

Марина вежливо кивнула и направилась к указанному месту – за четвертый стол в правом ряду. Выбрала, конечно, тот стул, что поближе к окну, и совершенно не заметила, что в классе вдруг воцарилась напряженная тишина. Звонок прозвенел – вот все и затихли. Что тут особенного?

Марина неторопливо выкладывала из сумки ручку, тетрадь, учебник – судя по висящим возле доски плакатам с уравнениями, нужна была «Алгебра» – и думала, что место ей досталось очень удачное. Не слишком близко к учителю, но и не на последней парте. Главное, у окна. Будет чем заняться, если вдруг станет нестерпимо скучно или не захочется никого видеть.

И тут в дверь громко, уверенно постучали, и на пороге возникла девушка. Красивая, между прочим.

– Можно? – невозмутимо поинтересовалась она.

– Катя! – всплеснула руками математичка. – Ну как так можно? Первый учебный день, а ты уже опаздываешь.

– Отвыкла, – спокойно пояснила красавица и, не дожидаясь,

сь разрешения, направилась к своему месту.

Класс опять накрыла напряженная тишина. На этот раз Марина ее заметила и удивленно повернула голову. А потом услышала над ухом:

– Не поняла.

В этих словах не было ни грубоватой наглости, ни вызова. Даже возмущения почти не было – только искреннее недоумение.

Марина вскинулась. Красавица Катя возвышалась над ней и смотрела...

Вот смотрела, да, не слишком приятно. Высокомерно и снисходительно, чуть сощутив глаза. Как большая собака на глупого щенка, наивно забравшегося на ее лежанку.

Марина смутилась:

– Это твое место? Я не знала.

Она передвинула вещи на другой край стола, пересела на пустой стул.

Математичка, досадуя из-за очередной заминки, проговорила:

– Катя, что опять за проблема? – И наставительно добавила: – Приходить надо вовремя.

Девушка глянула на учительницу, хмыкнула:

– Ну да. Опоздать на пять минут гораздо страшнее, чем на целые сутки.

И уселась, и сразу создало впечатление, что сидит она по-прежнему одна, а соседний стул пустует. Нет на нем нико-

го. Даже призрака, даже тени постороннего человека. И Марина четко почувствовала это свое несуществование и внезапную вину за то, что заняла чужое место. Она смотрела только перед собой. Или вправо. Наверное, если бы захотела, смогла бы обернуться и назад. А вот взглянуть на Катю у нее никак не получалось. Смелости не хватало. Или желания.

«Несказанно повезло» Марине с соседкой.

Не надо, не надо было переходить в новую школу!

Кирилл

Для Кирилла учебный год начался по-особому. И Катя Булатова не имела к этому никакого отношения. Кирилл и не подозревал тогда о какой-то Кате Булатовой.

Даже Марина оказалась абсолютно ни при чем, хотя с ней Кирилл был знаком давно. Очень-очень давно. Потому что их мамы в школе дружили. Если бы не разница в год, Кирилл с Маринкой наверняка ходили бы в одну группу детского сада, а потом в один класс.

К школе, кстати, случившееся тоже не имело никакого отношения, хотя началось все в тот момент, когда Кирилл нехотя запикивал в обложки полученные учебники.

В дверь позвонили, Кирилл поплелся открывать. На пороге стоял сосед Федя с надеждой во взгляде и с торчащими дыбом волосами, как будто он минимум полчаса чесал голову в поисках нужных мыслей.

– Кир, у тебя какие планы на вечер?

Кирилл удивился, но ответил честно:

– Вроде пока никаких.

Федя просиял:

– Слушай, выручай, брат. Тут такое дело. У меня сегодня свидание образовалось. Почти что вслепую. А девушка сказала, что придет с подружкой. Ну и мне, значит, полагается

друга привести. А друзья, как назло, все заняты. Кир! На тебя одна надежда.

Кирилл озадаченно хмыкнул. Сосед Федя учился на последнем курсе университета, ему было двадцать два.

– А сколько твоей девушке лет?

– Да двадцать три вроде.

– И ее подруге примерно столько же, – сделал вывод Кирилл. – А мне семнадцать. Думаешь, пройдет?

Федя оценивающе оглядел Кирилла, будто видел первый раз, и удовлетворенно произнес:

– Ну, ты же парень серьезный. И выглядишь старше. Будем считать, что тебе двадцать. Что такое три года? Практически ровесники. В общем, ты давай, собирайся, а я зайду минут через десять-пятнадцать.

Сосед затворил дверь, а Кирилл еще несколько секунд неподвижно стоял перед ней, вникая в ситуацию.

То, что девушка непременно окажется старше, его не пугало. Даже интересно. Если не знать точно, он мог бы и во все не обратить внимания на шесть лет разницы. Но она... неужели не поймет с первого взгляда, что ей подсунули малолетку, школьника, пусть и ученика выпускного одиннадцатого класса? Ну не совсем же она пустоголовая!

Правда, интересно – догадается или нет?

Кирилл не стал особо заморачиваться на сборы, сменил домашнюю одежду на обычные повседневные джинсы и рубашку.

Тут опять явился Федя.

– Ну че, Кир, потопали?

– Ну давай. – Кирилл снял с вешалки куртку. Уже в лифте поинтересовался: – А где свидание-то будет?

Федя выдал название кафе, не самого дешевого, вполне приличного.

– Если что, так хоть пожрем.

– А как ты девушку узнаешь? – опять поинтересовался Кирилл. – У вас там какие-то знаки условные?

Сосед ухмыльнулся:

– Да я ее видел пару раз. Не бойся, не ошибусь.

– А подругу?

– Подругу – нет. Ну не глянется, так не глянется. Тебя же никто с ней встречаться не заставляет. Но вдруг срастется. – Федя еще раз ухмыльнулся, немножко сально. – Да ты не волнуйся.

Кирилл равнодушно скривил губы:

– Я и не волнуюсь.

Он действительно ничего не ощущал, кроме любопытства и легкого научно-исследовательского интереса. Он не воспринимал всерьез свидания вслепую; чужие, даже случайные попытки принять за тебя решение казались пустыми, бессмысленными затеями. Просто делать-то все равно нечего. Вечер свободен, а тут хоть какое-то развлечение.

Кирилл не доверял чужим мнениям и вкусам, предпочитал сначала увидеть девчонку и поговорить хоть чуть-чуть, а

потом уже думать о свидании. Он попытался мысленно представить подружку Федыкиной девушки, но воображение рисовало только утрированные стандартные образы. Сначала – гламурную фифу, всю такую розовую и блестящую, потом – надменную хипстершу, обмотанную бесконечным шарфом и одетую в растянутый свитер из прошлого века и джинсовые шортики поверх ярко-фиолетовых колготок.

Угадал Кирилл только наличие джинсы́. Правда, на девушке были не шортики, а совсем узкие брюки, которые туго обтягивали стройные, длинные ноги – на такие трудно не обратить внимания. Но даже не ноги поразили Кирилла больше всего, а татуировка на щиколотке, изображавшая Минни-Маус.

Кажется, Кирилл не сумел скрыть своего изумления, и девушка, которую звали Диана, догадалась об этом, но не придала значения, продолжала, сидя за столом, беззаботно помахивать ножкой с мультяшной героиней, словно нарочно поддразнивала и сбивала Кирилла с толку: она же не маленькая девочка, а вполне самостоятельная, уверенная, знающая себе цену. Ей бы больше подошел какой-нибудь загадочный орнамент, надпись на неизвестном языке, цветок или даже крутой дракон. Но Минни...

Диана оказалась веселой. Нет, она не хихикала беспрестанно по поводу и без повода, но не скупилась на улыбки, шутила. И вроде бы так же, как и Кирилл, несерьезно относилась к происходящему. Может быть, она согласилась на

парное свидание лишь потому, что подруга ее очень попросила или от нечего делать, а теперь старалась не скучать, использовать ситуацию, чтобы позабавиться и интересно провести время, – опять же, как и Кирилл.

По-прежнему было интересно, догадалась ли Диана о том, что Кирилл ее моложе лет на пять, или поверила Фединому вранью о студенте? Она флиртовала беззастенчиво, но ненавязчиво, и непонятно было, серьезно или в шутку.

Может, и серьезно. Кирилл был согласен с Федькой, что выглядит старше, ведет себя по-взрослому. Он умный, способен поддержать разговор на любую тему, и с чувством юмора у него в порядке.

Не, ну правда.

И Кирилл незаметно для себя увлекся, разошелся, стараясь произвести впечатление на Диану. А тут еще Федя всячески пиарил приятеля: опасался, видимо, что девушки все-таки раскусят его – притащил, скажут, на свидание первого попавшегося малолетку, – обидятся и уйдут. Кирилл подыгрывал с разгорающимся энтузиазмом. Диана, кажется, верила, смотрела все более заинтересованно. Она совсем перестала обращать внимание на свою подругу и Федю, целиком переключившись на Кирилла. Но вдруг, совершенно неожиданно, проговорила, опять же обращаясь ко всем:

– Ребята, вы извините, но мне, честно, пора. – Потом вопросительно покосилась на подругу и твердо повторила: – Я пойду.

Федя ни капли не расстроился, даже обрадовался, что все складывается как нельзя более удачно:

– Ну само собой, если надо. А Кир тебя проводит.

Кирилл с готовностью вскочил со стула. Федя подмигнул ему, состроил физиономию, на которой ясно читалось: «Не лоханись, брат! Лови момент! Действуй!»

Они вышли на улицу.

– Мне на автобус, – сообщила Диана многозначительно, словно проводила важный тест.

– Отлично, – согласно кивнул Кирилл и направился к остановке.

– А мне в другую сторону, – остановила его Диана, улыбнулась широко, искренне и мягко.

Кирилл смутился, но тут же весело вскинулся:

– Можно и в другую.

Всю дорогу они болтали о чем-то незначительном и забавном, стараясь друг друга рассмешить, и возле Дианиного дома весело расхохотались. Диана неосознанным движением ухватила Кирилла за руку, словно хотела пожать на прощание, но не ладонь, а почему-то предплечье. И Кирилл, тоже почти автоматически, легко приобнял Диану за талию.

Дальше им полагалось поцеловаться. И они поцеловались, коротко и беззаботно, не придавая значения своим действиям. Но не стали договариваться о новой встрече. Как-то даже в голову не пришло.

Катя

Поняв, что четвертая парта у окна больше не принадлежит ей безраздельно, Катя испытала разочарование и досаду. Поэтому и к соседке в первую очередь почувствовала неприязнь. Смерила ее взглядом с головы до ног: очередное скучное ничтожество, серая мышка.

Марина Лавренкова. Не очень длинные каштановые волосы, собранные в самую простую и удобную, по мнению большинства девушек, прическу: стянуты в хвост, а потом закручены в нарочито небрежный пучок. Глаза светло-светло-серые, словно льдинки на промерзших за ночь лужах. Еще бы минус полтона, и, наверное, стали бы бесцветными, стеклянными, неестественными. Верхняя губа тонкая, а нижняя пухленькая. В целом ничего, не уродина. И то ладно.

И тихая. Не торопится знакомиться с новыми одноклассниками, не влезает в сложившиеся группы: «А вот и я, такая хорошая. Примете меня?»

Катя наблюдала, как Лавренкова вежливо и тактично отказалась от помощи участливых Самсоновой и Кривицыной, пожелавших взять ее под свое покровительство. Те даже не поняли, что их отшили, отвалили довольные собой.

А сама Катя с Мариной не разговаривала. О чем?

И Лавренкова не навязывалась ей. Они сидели, будто не

за одной партией, а в разных школах на разных концах города, а возможно даже, и в разных странах.

Первый раз девушки заговорили друг с другом только через несколько дней после начала учебного года, да и то не в классе, а в одном из школьных коридоров.

Направляясь на третий этаж к кабинету русского языка и литературы, Катя случайно услышала голоса, злые и взведенные, и ноги сами понесли. Завернула за угол и увидела примечательную компанию: три девчонки класса, наверное, из шестого, прижали к стенке четвертую. Явно не с добрыми намерениями. Потому что глаза этой четвертой были огромными от переполняющих их страха и отчаяния, губы предательски дрожали, а сжатые в кулаки руки были скрещены на груди, словно девчонка хотела сказать: «Нет. Не надо. Не смейте».

Была она крупнее своих обидчиц – высокая, полноватая, но казалась мягкой и рыхлой, словно сдобная булка. А кто-нибудь встречал решительную и смелую булку?

Стоящая чуть в стороне Лавренкова, судя по интонации, пыталась внушить трем нападающим что-то добропорядочное и пацифистское. И, само собой, получала в ответ грубые вызывающие фразы.

Вот дура!

Катя решительно шагнула вперед, чуть прищурила глаза, словно прицелилась, скривила в жесткой усмешке рот:

– Эй, мелкие! По какому поводу собрание?

И ни капли напряжения в позе. Сплошная самоуверенная расслабленность.

Три шестиклассницы одновременно, как по команде, зло закусили губы, но и головы в плечи вжали.

– Звонок скоро, – с нарочитой заботливостью напомнила Катя. – Не боитесь опоздать? У вас какой сейчас урок?

– История, – хлюпнула прижатая к стене жертва.

– О-о-о! – сочувственно протянула Катя. – Виталий Андреевич не любит, когда опаздывают. – Она скользнула пронзительным взглядом по лицам трех нападавших и резко приказала: – Бегом, девочки! Не нарывайтесь на неприятности.

Троица все-таки удалилась, нарочито медленно и демонстративно, громко топая ногами, но оглянуться и высказаться, даже из безопасного далека, ни одна не решилась.

– А ты чего стоишь? – обратилась Катя к жертве. – Тебе на урок не надо, что ли?

– Давай я тебя провожу, – вклинилась Лавренкова, мягко положила руку шестикласснице на плечо. Тоже, наверное, мягкое.

Им оказалось по дороге. Кабинеты русского и истории располагались в соседних рекреациях, поэтому Катя тоже проводила шестиклассницу, хотя делать это вроде не собиралась.

А когда дверь класса закрылась, Марина неожиданно заговорила:

– Почему они тебя испугались? – она смело заглянула Ка-

те в глаза.

Та равнодушно дернула плечом:

– Кто их знает? Может, я такая страшная.

– Ты?

Почему в голосе Лавренковой было столько искреннего изумления? Она что, сомневалась в Катинем всемогуществе?

Марина

Кабинет химии отличался не только размерами и специально оборудованными партами. Он, один из немногих, мог похвастаться наличием небольшой темной комнатухи-кладовки – лаборантской, в которой на металлических стеллажах хранились реактивы, оборудование для опытов, специальная химическая посуда – всякие там пробирки, колбы и бюретки – и прочая дребедень.

Обычно Елена Валерьевна хозяйничала в лаборантской сама. Но иногда, после нескольких лабораторных работ подряд, просила о помощи кого-нибудь из своего десятого. В этот раз жребий пал на Марину Лавренкову.

Марина не расстроилась и не возмутилась. Надо, так надо. Ей нетрудно прополоскать стеклянные емкости, расставить их по штативам или подносам, разложить по коробкам и в конце концов аккуратно разместить все на стеллажах. Времени много не займет.

Марина звенела посудой в лаборантской и совершенно не слышала, что по классу кто-то бродит. А потом вдруг раздался незнакомый голос:

– Есть тут кто-нибудь живой?

В дверях обрисовался парень. Скорее всего Маринин ровесник. Высокий и очень симпатичный. Он с интересом гля-

нул на Лавренкову и приятно улыбнулся:

– Ты здесь одна?

Марина кивнула. Хотя можно было и не отвечать, и так очевидно. Кому придет в голову таиться за стеллажами, прятаться на полках или, сложившись в три погибели, сидеть в маленьком холодильнике?

– А Елена Валерьевна где?

– Убежала куда-то, – ответила Марина. – Но обещала скоро вернуться.

– Ага, – произнес парень с пониманием, но покидать лаборантскую не спешил. Все так же стоял на пороге, наблюдая, как Лавренкова рассовывает по штативам чистые пробирки в мелких капельках воды, сверкающих в электрическом свете, словно драгоценности.

Марине понравилось, что парень не убежал сразу, разочарованный отсутствием химички, а остался. Хорошо бы именно из-за нее, из-за Марины. Потому что, откровенно говоря, он ей сразу приглянулся. Хотелось рассмотреть его поближе, а может, даже познакомиться.

Марина составила несколько штативов на эмалированный поднос и обернулась к стеллажам в поисках свободного места.

Взгляд медленно поднимался все выше и затормозил на самой верхней полке. Ну вот. Просто так до нее не дотянуться, придется подставлять стул.

Марина отвернулась от стеллажа, оглядела лаборантскую

и почему-то усталилась на непрошеного, хотя и приятно-го гостя. А тот, словно прочитав Маринины мысли, охотно предложил:

– Давай помогу!

Парень подошел, решительно взял поднос из лавренковских рук, потянулся вверх, словно собирался взлететь.

Пробирки весело и громко забренчали, как будто принялись живо обсуждать выделенное для них место. Их звон еще какое-то время отдавался в ушах, заглушая прочие звуки.

Хотя какие прочие? Стояла тишина.

Избавившись от подноса, парень вопросительно глянул на Марину:

– А она точно вернется?

Он имел в виду Елену Валерьевну.

– Обещала же, – напомнила Лавренкова. – Да и ключ у нее. Не оставит же она кабинет незапертым до завтра.

Парень задумался, что-то прикидывая или подсчитывая.

– Я тогда попозже зайду.

И направился к выходу из класса.

Марина на мгновение растерялась, но быстро нашлась, то-ропливо крикнула вдогонку:

– Если хочешь, я ей скажу, что ты заходил.

Парень остановился, оглянулся.

– Только... – Лавренкова замялась и вопросительно посмотрела незнакомцу прямо в глаза.

Он опять без лишних слов понял Марину.

– Меня Антон зовут. Мажарин. Но можешь Елене не говорить. Все равно потом приду.

Марине хотелось назвать и свое имя. Оно уже вертелось на языке, но Антона, похоже, ни капельки не интересовало. Он ухватился за дверную ручку, дернул и недоуменно хмыкнул:

– Что? Заперто? Как это?

– Да ну?! – недоверчиво воскликнула Марина, тоже пошла к двери и ухватилась за ручку, забыв, что за нее уже держится Антон.

Его рука была теплой и твердой, очень приятной на ощупь. По крайней мере по сравнению с бездушной металлической ручкой.

Мажарин озадаченно глянул на Марину, она испуганно отдернула пальцы и смущенно пробормотала:

– Я не запирала.

У Антона изумленно взлетели вверх брови. Он в этом и не сомневался. Как девчонка могла запереть дверь класса, если все время, что он находился в кабинете химии, она торчала посреди лаборантской? Да и ключа у нее не было. Единственный утащила с собой Елена Валерьевна.

– Может, само захлопнулось? – предположила Марина.

– Здесь замок не такой, – объяснил Антон. – Сам не захлопнется. Только на ключ можно закрыть.

Ребята вопросительно уставились на дверь, словно та могла объяснить, что произошло на самом деле. Но дверь мол-

чала, и объяснения пришлось подбирать самостоятельно.

– Может, Елена забегала, забыла, что ты в лаборантской, заперла и ушла, – решил Антон.

Марина кивнула, соглашаясь:

– И что теперь делать?

Антон забарабанил кулаком в дверь, крикнул:

– Эй! Есть там кто-нибудь снаружи?

Но когда отзвук ударов стих, воцарилась безучастная тишина, означающая, что никто их не слышит.

Антон грохнул по двери еще пару раз. Гулкое эхо добро-совестно промчалось по школьному коридору, пытаясь найти сочувствующих, но, похоже, опять безрезультатно.

Марина уселась на краешек ближайшего к двери стола. В голову ничего полезного не приходило, хотя она старательно думала над выходом из создавшегося положения. Не ужасного, конечно. Скорее забавного. А в чем-то даже удачного. Разве плохо застрять в классе с симпатичным мальчиком? Ненадолго. Потому что – Марина в этом не сомневалась – он обязательно отыщет способ выбраться отсюда.

АНТОН

Словно подтверждая Маринины мысли о его изобретательности, Антон полез в карман и выудил на свет мобильник. Потыкал пальцем в экран, приложил телефон к уху, но тут же лицо его разочарованно вытянулось.

– Деньги кончились, – проговорил Мажарин. – На звонок не хватает.

Он растерянно посмотрел на девчонку, а та под действием его взгляда резко подскочила и метнулась в лаборантскую.

Вернулась она быстро – Антон даже не успел сообразить, что к чему, – таща собственную сумку. Бухнула ее на стол, дернула молнию и принялась шарить рукой в сумочном брюхе, сначала торопливо и воодушевленно, а затем все медленнее и скучнее. Выражение девичьего лица постоянно менялось. То Марина недовольно хмурилась, то поджимала губы, то чуть-чуть надувала щеки, и ей очень шли эти потешные гримаски. Так казалось Антону.

– Похоже, я мобильник дома забыла, – виновато призналась Марина. – У меня, правда, нет телефонов никого из местных, но ты бы мог позвонить.

– В каком смысле «местных»? – не понял Мажарин.

– Ну одноклассников. Или еще кого-нибудь из этой школы, – словоохотливо объяснила девчонка. – Я же здесь всего

полторы недели. Толком ни с кем не познакомилась.

Теперь Антон понял, почему Марина была ему совершенно незнакома – в своей параллели Мажарин знал всех, кроме нее. Но раз она оказалась в лаборантской Елены Валерьевны, значит, учится в ее десятом.

Мажарин по-новому, внимательно взгляделся в Марину, словно опасался просмотреть нечто важное. Та смущенно пялилась в пол. Выбившаяся из хвостика каштановая прядь спадала вдоль щеки, едва заметно колыхаясь то ли от дыхания, то ли от неощутимого сквознячка, украдкой пробежавшего по классу.

– А чего я думаю? – встрепенулся Антон. – На звонок денег нет, так можно эсэмэску отправить, чтобы перезвонили.

Он опять достал мобильник, выбрал стандартное послание, но кому отправил, не сказал.

Эсэмэска ушла, а телефон все молчал. Видимо, адресат не заметил крика о помощи или проигнорировал жалобный писк, поскольку был занят собственными делами.

Можно было, конечно, вышибить дверь. Она старая и хлипкая, и Антон скорее всего с ней справится. Но хотелось решить вопрос более цивилизованно, чтобы потом не сбежать трусливо с места происшествия и не каяться униженно в порче школьного имущества, пусть и непреднамеренной.

К кому бы еще обратиться?

Тут девчонка снова резко вскочила с места и устремилась к окну.

Антон направился следом. Он прекрасно знал, что кабинет химии находится на третьем этаже, поэтому выпрыгивать из окна глупо и опасно. Но можно окликнуть человека, проходящего мимо, и отправить его к охраннику за ключом.

Мажарин встал рядом с Мариной, почти коснувшись ее плечом, и сразу понял: не нужно даже лишний раз шевелить рукой, чтобы открыть створку. Окно выходило на маленький, покрытый засохшей травой задний дворик, который охраняла приземистая шеренга облезлых мусорных баков, – сюда мог заглянуть разве что какой-нибудь ненормальный. Дальше – заброшенного вида асфальтовая дорожка, школьный забор, узкий палисадник с пыльными кустами сирени и стена жилого дома с однотипными прямоугольниками окон, серых и безжизненных, словно подернутых пленкой.

На карнизе одного из окон сидели два голубя, совершенно обычных, голубовато-сизых, и, кажется, смотрели на школу, прямо на Антона и Марину.

Интересно, девчонка их заметила?

В кармане запел телефон. Марина от неожиданности вздрогнула, отшатнулась. Мажарин коснулся знака соединения, поднес мобильник к уху.

– Тоха, чего случилось-то? – послышался голос. – Что за срочность? Сам-то не мог позвонить?

Он добросовестно ответил на все вопросы и понял, что больше ничего добавлять не нужно.

– Ясно, – ответила трубка.

Вроде бы всего одно короткое слово, но в нем Антон уловил улыбку – немного насмешливую, но добрую.

– Жди! Сейчас приду с ключом.

Минут через пять из коридора донеслись звуки шагов – громче, громче, а затем звяканье ключа в замочной скважине.

Дверь распахнулась, и в проеме возник силуэт охранника.

– Ну что, арестанты? Пора на свободу!

Мажарин первым вышел из класса и сразу увидел Катю Булатову, стоящую чуть поодаль. Она смотрела снисходительно, уголок ее рта насмешливо изгибался. И вдруг Катинины губы превратились в тонкую твердую черту, и все лицо на мгновение окаменело.

Из-за спины Антона донеслось вежливое и прочувственное: «Спасибо!»

– Не хотелось бы там до утра проторчать, – добавила Лавренкова.

– Действительно. – Катя высокомерно хмыкнула, развернулась и потопала прочь.

Антон бросил на Марину прощальный взгляд. Совсем короткий.

Приключение вышло маленьким, не слишком захватывающим и абсолютно не страшным. Но все-таки...

– Кать! Подожди!

Мажарин бросился вслед за Булатовой, разом позабыв и

про запирающего дверь охранника, и про новенькую девчонку из параллельного десятого – Марину Лавренкову.

Катя

В сентябре, если не было дождя, уроки физкультуры проходили на улице. На новеньком школьном стадионе заниматься было приятно. Удобное искусственное покрытие, на котором никогда не стояли лужи, большое зеленое футбольное поле, отдельная площадка для игры в волейбол и баскетбол. И еще одна с противоположной стороны для разминочных упражнений, с ямой для прыжков в длину и скромным набором простейших металлических тренажеров.

После нескольких строго обязательных кругов легкого бега парни, конечно же, оккупировали футбольное поле, а девчонок физруки отправили играть в баскетбол.

Надо же было додуматься! Ни одна из десятиклассниц толком в баскетбол играть не умела, не представляла, что такое пробежка, как вести мяч, а если вдруг и попадала в корзину, то чисто случайно. Зато писку, визгу, обид и недовольства было предостаточно. Девчонками быстро овладевал азарт, а что делать, никто из них точно не знал.

Катя тоже сердилась. Она, в отличие от остальных, немного разбиралась в игре – Антон научил. Он любил баскетбол, часто играл с друзьями на этой самой площадке школьного стадиона. А иногда играл со своей девушкой, ну то есть с Катей. И теперь Булатову раздражала бессмысленная девчо-

ночью возня, когда не представляют, как управляться с мячом, зато громко орут и усердно толкаются в неудержимом желании вырвать этот самый мяч из плотного переплетения чужих неумелых, но цепких рук и висят на нем кучей, словно шипящий клубок змей в период весенних свадеб.

Не умеют, так смотрели бы внимательно на Катю, запоминали, как она делает. Так ведь нет. И ее время от времени затаскивали в безумную свалку. И часто, случайно или нарочно, рядом оказывалась Катина соседка по парте – Лавренкова.

Играть она тоже не умела, но орала меньше других, зато суетилась больше: размахивала руками, мотала головой и постоянно корчила рожи. Ее даже как соперницу в матче невозможно было воспринимать серьезно.

Катя сумела выхватить мяч прямо из-под лавренковского носа, сделала шаг в сторону, готовясь к броску, вскинула руки.

Марина сердито вскрикнула, кинулась коршуном, пытается перехватить мяч в полете, в очередной раз широко взмахнула руками.

Костяшки пальцев с силой ткнулись во что-то упруго-твердое.

– А-а-а! – заорала Катя, сгибаясь от боли и хватаясь ладонями за лицо. – Совсем идиотка?

Марина растерянно замерла, только сейчас осознав, что коснулась вовсе не мяча. Да и не коснулась. Вдарила со всей

силы.

– Кать, я не хотела. Я случайно. Извини! Очень больно?

– А если не очень, так еще добавишь, что ли? – прорычала из-за прикрывающих лицо ладоней Катя.

Марина совсем смутилась:

– Нет, но я... Правда, случайно.

– Да пошла ты... – оборвала ее Катя, раздраженно отстранила плечом толпящихся вокруг сочувствующих одноклассниц.

– Булатова, как ты? – подбегая, обеспокоенно спросил физрук.

– Замечательно, – зло буркнула Катя, обходя его стороной.

– Ты загляни в медпункт на всякий случай.

Булатова не ответила, даже не кивнула из вежливости, вышла за ограду стадиона, протопала до крыльца и скрылась в дверях спортивного зала. Там она торопливо переоделась, подхватила сумку и устремилась к выходу, низко опустив голову.

Вы только представьте, королева – низко опустив голову!

– Ты куда? – задержал ее охранник у самых дверей.

– Домой, – мрачно произнесла Катя.

– Не... – начал было охранник, но Катя резко вскинулась и устояла на него.

Хватило одного взгляда. Как гоголевскому Вию или медвежонку Паддингтону.

Охранник опешил и даже сделал приглашающий жест,

словно хорошо обученный швейцар: «Пожалуйста, ваше величество».

Мир выглядит странно, если смотреть на него одним нормальным глазом и одним заплывшим, выглядывающим сквозь узкую бойницу раздувшихся век.

Ну ты и зараза, Лавренкова!

Марина

Вечером Марине встретился Кирилл.

Раньше они очень часто виделись, потому что жили рядом и учились в одной школе хоть и в разных классах, а теперь...

Словно Лавренкова не в лицей перевелась, а вообще в другую жизнь, в другой мир, который миру Кирилла параллелен. Не то чтобы совсем уж безразличен, но пересечься они могут лишь при определенных условиях, которые складываются крайне редко.

– Ну чего? – сразу поинтересовался Кирилл. – Как там на новом месте?

– Нормально. – Марина равнодушно дернула плечом. – Школа как школа.

Кирилл внимательно взгляделся в ее лицо:

– Что-то не наблюдаю воодушевления и восторга.

Марина опять дернула плечом, намекая, что восторги абсолютно не обязательны.

– С одноклассниками не повезло? – проницательно определил Кирилл.

– Да не то чтобы... – Марина повела рукой, но потом ответила откровенно: – С одной. С одноклассницей. Я с ней за одной партой сижу.

И она рассказала про Катю.

Кирилл выслушал, усмехаясь, и заключил:

– Типичная самовлюбленная стерва. Красивая, но наверняка беспросветно тупая.

– Да ты что? – возмутилась Марина.

Видимо, она подобрала неудачные слова или говорила не с теми интонациями, или Кирилл судил чересчур категорично.

– Она очень хорошо учится!

– Еще и умная, значит? – Кирилл презрительно скривился.

– Слушай, Кир! Ты ведь даже не знаешь ее, а уже злишься. Она же тебе ничего плохого не сделала, – стремясь к справедливости, вступилась за одноклассницу Марина.

– Зато тебе сделала, – напомнил Кирилл.

Но Лавренкова опять не согласилась:

– Нет. Ты не понял. Просто не складывается у нас. А потом, это ведь я...

– Что ты?

Тогда Марина немножко рассказала про Катю. Точнее, про урок физкультуры и баскетбол.

– Ты ей фонарь засветила? – Кирилл довольно ухмыльнулся. – Серьезно?

Марина смутилась и опять почувствовала себя виноватой:

– Похоже, что так.

На следующий день Катя в школу не пришла, и Марина вполне вольготно чувствовала бы себя в одиночестве за чет-

вертой партой у окна, если бы ни угрызения совести – вроде мелкие, но въедливые и острозубые. Потому что наверняка Катино отсутствие вызвано вчерашней неудачной встречей булатовского глаза с лавренковским кулаком. Марина тоже лучше уроки прогуляла бы, чем светила на всю школу новеньким фингалом.

Это мужчин шрамы украшают, а девушкам, тем более красивым, как известно, больше подходят бриллианты и прочие драгоценности.

Катя появилась в школе через день с мрачным готическим макияжем. Глаза густо подведены черным, тени на веках тоже черные. Только губы Булатова не стала красить ни темным, ни кроваво-красным. Сделала их бледными, почти сливающимися с тоном лица. А вот глаза редкого янтарного цвета, характерного не столько для людей, сколько для диких кошек, будто засветились, хищно и недобро.

Эффект получился потрясающим. Словно шествовала по школьным коридорам не живая девушка, а призрак, невеста Дракулы, ну или скорее всего одна из эриний – непрощающая Алекто – скорая лавренковская смерть. Она неминуемо приближалась к несчастной Маринке. Подошла почти вплотную, застыла над ее горемычной головой, накрыв темной тенью, но даже не удостоила взглядом, плюхнулась на соседний стул, громынула по столу сумкой, и в классе уже в который раз повисла напряженная тишина. Разрушило ее только появление Елены Валерьевны.

Тихонько щелкнул дверной язычок, простучали каблук по линолеуму, шаркнул отодвигаемый стул.

– Все на месте? – Химичка обвела глазами класс.

Сначала и по Булатовой ее взгляд скользнул, не задержавшись, но почти сразу метнулся назад, ошарашенно уперся в густо обведенные черным глаза.

– Господи, Катя! Что вдруг еще?

– Решила соотнести внешнее с внутренним, – спокойно сообщила Булатова.

Елена Валерьевна озадаченно свела брови, не стала делать вид, что разобралась в загадочной фразе.

– В смысле?

– Учусь быть искренней и прямолинейной. – Катя скривила неестественно бледные губы. – Какие чувства у меня вызывает данное заведение, такие честно и выражаю, в том числе внешним видом.

Елена Валерьевна по-химически умело сдержала бурную реакцию и предположила достаточно спокойно:

– Следовательно, школа у тебя вызывает самые мрачные и безнадежные мысли?

– Нет, – неожиданно возразила Булатова. – Еще и мистическо-романтические. – Она закатила глаза, став еще более inferнальной, но неожиданно продолжила весьма реалистично: – И давайте займемся химией. Все-таки.

На перемене Катя попала на глаза директорше, и та тоже пожелала узнать, что произошло с ученицей, до сей поры

выглядевшей вполне прилично. Ну то есть соответственно статусу лица.

Директриса не стала разбираться в коридоре при всем честном народе, а тактично (но, возможно, и для усиления эффекта) увлекла Булатову в свой кабинет. И больше Марина Катю не видела.

Честно. Вот именно так, сверхъестественно и жутковато. Ушла и не вернулась. Навеки сгинула, как в готических романах.

Нет, не напрасно она так накрутилась, и самые мрачные предчувствия ее оказались не напрасны.

Только чуть позже среди десятиклассников поползли слухи о том, что Булатова честно рассказала директрисе о своем случайном фингале, и та разрешила ей отсидеться дома остаток учебной недели. Все-таки отсутствие на уроках не так страшно, как подбитый девичий глаз или жесткий готический макияж.

Кирилл слушал Марину и снисходительно усмехался. То ли действительно рассказ о Кате его не вдохновил, то ли настроение у него было не очень.

– Кир! Да что с тобой? Какой-то ты сегодня...

Пряатель скривился.

– Да ну-у-у... – протянул, вроде бы не собираясь посвящать Лавренкову в свои проблемы, но потом выложил откровенно. Все-таки Маринка свой человек.

– Кажется, папа себе очередную невесту нашел.

Кирилл

За последние десять лет Кирилл пережил уже двух мачех и вроде бы должен был привыкнуть. Но чем дальше, тем почему-то труднее становилось мириться с их появлением.

Мама умерла, когда Кирилл учился в первом классе. Болезнь, напав внезапно, расправилась с ней быстро и безжалостно.

Ровесники привыкали к школе, а Кирилл к тому, что мамы у него больше нет. Есть только папа – оглушенный смертью жены и своим новым невероятным положением отца-одиночки. Оказалось, что последнее принять гораздо трудней. Не готов он был один возиться с ребенком, даже самоотверженная помощь дружественной семьи Лавренковых его не вдохновляла. Наверное, поэтому отец столь быстро сошелся с Инной Владимировной, которая была старше его на целых двенадцать лет. Возможно, в ней он искал даже не жену, а няньку, мамочку, наставницу и покровительницу.

Кирилл воспринял Инну Владимировну как внезапно объявившуюся бабушку, поэтому не взбунтовался, не обиделся, покорно согласился с ее присутствием. Потому что мамы не хватало, а Инна Владимировна оказалась именно такой, как надо. Когда требовалось, ругала, когда требовалось, жалела, заботилась, поддерживала. И младшего, и стар-

шего Успенских.

Мужу она помогала не только в вопросах быта и домашнего уюта, но и в бизнесе. Инна Владимировна во всем разбиралась и везде успевала, поддерживала идеальный порядок и сама выглядела безупречно.

Кирилл долго не мог решить, как же ему обращаться к мачехе. «Мама» не выговаривалось. Оставалось лишь «тетя Инна».

Кирилл так и попробовал один раз, когда обойтись совсем без обращения не получилось. Но сразу увидел, как недовольно дернулись губы мачехи.

Инна Владимировна сразу присела рядом, чтобы сравняться в росте, – она никогда не разговаривала с пасынком свысока – и, не пытаясь скрыть недовольства, произнесла:

– Кирюш! Давай вот только без этих «теть».

– А как? – растерялся и немного испугался Кирилл. – По имени-отчеству? Да?

Так тоже называли взрослых, знакомых, но не родных. Воспитательниц в детском саду, учителей в школе.

– Давай просто «Инна». Ладно?

Кирилл согласно кивнул, хотя и было непривычно – по имени он называл до сих пор только ребят, – и по-прежнему старался обходиться без обращения.

В отсутствие мачехи «Инна» произносилось очень даже легко. Например, в разговоре с друзьями, с отцом, с Маринкой, еще с кем-то.

– Кирюша, тебя подвезти?

– Не! Меня Инна сейчас заберет. Она уже звонила.

А вот в глаза выговаривалось с трудом.

Взрослая, почти пожилая, по меркам Кирилла, тетя – и вдруг по-детски просто «Инна».

И все же с Инной Владимировной было надежно, стабильно, уютно. Но почти через пять лет она объявила мужу как всегда мягко и в то же время уверенно и твердо:

– Сережа, я сделала для вас с Кирюшей все, что могла. В няньке вы оба больше не нуждаетесь. Теперь я хочу уйти.

И на самом деле ушла. Собрала свои вещи, погрузила их в машину и уехала, не сказав куда. Словно Мэри Поппинс, унесенная холодным западным ветром. С чувством выполненного долга, оставив на память о себе отлаженный до безупречности механизм жизни Успенских.

Бизнес процветал, принося неплохие доходы, Кирилл хорошо учился, рос здоровым, спортивным и вообще всесторонне развитым. И даже жилищные условия улучшились. Выкупили у соседей квартиру и, проведя основательную перепланировку, сделали из двух одну – просторную, удобную, с двумя туалетами, душевой и ванной, с объединенными залом и кухней. Именно это новшество больше всего восхитило следующую папину жену Калерию Робертовну.

Впервые услышав это сочетание, Кирилл не сдержался и фыркнул:

– Пап, ты что, нарочно подбирал?

– Кирка, кончай выделываться! – сказал отец. – Оригинальное, неизбитое имя. И довольно красивое.

Он называл вторую жену «Лерочкой», и Кириллу было уже несмешно. Его тошнило. И от этого уменьшительно-ласкательного имени, и от самой Калерии Робертовны.

Кириллу исполнилось тринадцать, и он уже не считал, что каждый взрослый имеет право воспитывать его только потому, что старше и вроде бы умнее. Калерия Робертовна любила показушное совершенство. На первое же ее: «Так нельзя поступать, нехорошо, неправильно», Кирилл заявил:

– А тебя не спрашивают. Кто ты мне такая, чтобы указывать? Никто.

И положил начало холодной войне.

Калерия была папиной ровесницей. Была красивой, стройной, образованной. В общем-то, неплохой. Но Кириллу она казалась фальшивой, чересчур манерной, нарочито утонченной и чувствительной. И совершенно ненужной – точно так же, как и он ей.

Полгода открытых ссор и тайной партизанской борьбы вымотали всех, и Калерия тоже канула в Лету.

Кирилл надеялся, что на этом Успенский-старший покончит с попытками правильно обустроить свою семейную жизнь, смирится с их холостяцким положением. Он не имел ничего против наличия у отца временных подруг, маленьких романтических интрижек, даже не требовал, чтобы родитель непременно ночевал дома и не отлучался дольше, чем на сут-

ки. Не маленький ведь уже. В смысле сам Кирилл. Но вдруг на горизонте замаячила жена номер четыре.

– Да с чего ты взял? – засомневалась Марина.

– А то я папу родного не знаю, – заметил Кирилл. – С чего это ему меня с какой-то посторонней теткой знакомить?

– Может, она тебе понравится? И вообще все будет хорошо.

– Непременно! – скривившись, воскликнул Кирилл. – Ну надо тебе, так встречайся, езд к ней. Делай, что хочешь. Но зачем обязательно подселать кого-то к нам в квартиру и официально оформлять отношения?

– А если он ее по-настоящему любит? – предположила Марина.

– По-настоящему – это как? – На лице Кирилла появилось высокомерно-брезгливое выражение. – То, что не обойдется без совместного проживания и штампа в паспорте?

Марина пожалала плечами и проговорила умиротворяюще:

– Ну, Кир. Женщинам хочется надежности. И замуж хочется. Чтобы все, как полагается. А твой папа...

– Что мой папа?

– Он, конечно, сильный, и мужественный, и умный, но...

Кирилл прищурился, насторожился, готовясь услышать что-то неприятное.

– Вспомни. Даже я всегда могла уговорить твоего папу на что угодно. Он же совсем не умеет отказывать... это... женщинам.

Кирилл хмыкнул:

– Зато я могу... за него.

– Кир! Ну что ты как маленький? Твой папа тоже хочет быть счастливым. Ты же не собираешься всю жизнь прожить вместе с ним. При первой же возможности смоешься. А он тогда останется один. Да?

– Вот и подождал бы, пока я свалю! – Кирилл насупился.

Получалось действительно как-то по-детски. Разнылся, распустил сопли. А ему, между прочим, скоро восемнадцать. И если отец не передумает со своей очередной женитьбой, Кирилл окончит школу и куда-нибудь свалит. Например, в армию. Или устроится на работу, снимет квартиру. А может, безотказный папочка расщедрится и купит сыну отдельную жилплощадь? И пусть тогда живет не один в свое удовольствие, утешаясь надеждой, что в его старости и немощности найдется та, которая непременно притаранит ему стакан воды.

Катя

К понедельнику от фингала осталась лишь едва заметная желтизна, которая легко замазывалась тональным кремом. Отражение в зеркале смотрелось очень даже прилично.

Катя удовлетворенно улыбнулась сама себе и повторила планы на день.

Шесть уроков и еще один, дополнительный, по русскому. До ЕГЭ еще почти два года, а им уже все мозги прокапали. Все учителя составили точные планы, на что обратить особое внимание в частях А, В и С, какие темы повторить, углубить и расширить. По понедельникам – доп. русский, по средам – доп. математика, по другим дням – что-то еще доп. А на сегодня договорились с Антохой после уроков побегать на стадионе и поделать упражнения на растяжку.

Антон позвонил в воскресенье утром, предложил куда-нибудь сходить вместе. Катя уже не помнила, куда именно. Какая разница? Все равно ведь отказалась, сославшись на непрезентабельный внешний вид, хотя и вчера тональный крем отлично замаскировал бы остатки синяка.

Просто идти не хотелось. Просто Антоха...

Ну он, несомненно, замечательный парень. Во всех отношениях. И красивый, и вполне так умный, и сильный, по-правильному незанудно положительный. Но самое луч-

шее, что с ним можно делать, – это играть в баскетбол или боулинг, разминаться и растягиваться, бегать по вечерам, через наушники слушая музыку с мобильного, наматывая километр за километром по улицам или на школьном стадионе.

Школьном – школа – класс...

Катя нахмурилась, вспомнив, что придется целый день сидеть рядом с придурочной Лавренковой.

Ну надо же, как не повезло! Подсунули ей эту ненормальную. Испоганили персональную парту и частично Катину жизнь.

Никто никогда не навязывался, не лез к королеве. А Лавренкова вечно вмешивается, вечно суется, куда не следует, и встречается там, где быть не имеет права.

Придя в школу, Катя, как полагается, сняла пальто, повесила его на вешалку в гардеробе, поднялась по лестнице на второй этаж, шагнула в рекреацию и... тут же, слету воткнулась взглядом в парочку у окна.

Лавренкова и Антоха. Ее, Катин, Антоха! Всеми признанный королевский парень.

Почему рядом Марина Лавренкова?

Как тогда, в кабинете химии. Неожиданное явление из-за мажаринской спины: «Спасибо, что спасли нам жизнь! Бла-бла-бла!»

В тот момент Катя с трудом удержалась, чтобы не втолкнуть эту утомительную девицу обратно в класс и запереть надежней. И пусть просидела бы там до утра в компании

пустых пробирок. Мало ли, что не хочется!

И вот опять!

Можно подумать, Лавренкова нарочно засветила Кате фонарь, чтобы избавиться от нее в школе и в отсутствие королевы клеиться к ее парню.

Вот дрянь!

Катя не любила публичную демонстрацию чувств, все эти показушные объятия и поцелуйчики, но тут другого выхода не было.

Она решительно двинулась к парочке у окна, не забыв растянуть губы в невинную ласковую улыбку.

– Привет! – сказала одному Антохе (Лавренкова вроде бы и не существовала, во всяком случае, поблизости) и чмокнула его в щеку.

– Привет! – радостно откликнулся Мажарин, приобнял и сам напомнил о том, о чем хотела Катя: – Значит, после уроков на стадионе.

Так даже лучше. Может, до Лавренковой скорее дойдет, что она лишняя, что ей возле Катиного Антохи делать нечего.

Маринка заметно суксилась. Попыталась это скрыть, но не получилось. Уж слишком пристально наблюдала за ней Катя из-под, казалось бы, безразлично полуопущенных век. Зато Антон опять сделал все, как надо. На прощание скользнул пальцами по Катиней руке, на мгновение задержал ладонь:

– Я тебя жду. Не забудь.

– Я ничего не забываю, – теперь уже беззаботно отмахнулась Катя.

Лавренкова тоже не забудет, выучит наизусть, выжжет на подкорочке: «Антон занят. Антон принадлежит Кате».

Рыдай, неудачница!

Марина

На перемене Марину отловил физрук. Увидел ее издалека и довольно заулыбался, словно несказанно рад встрече.

– Лавренкова, как хорошо, что я тебя встретил! В субботу будут «Веселые старты». Межшкольные. Я тебя записал в команду, как представителя старших классов.

– А! – только и смогла вымолвить Марина, но, заметив, что физрук не планирует смягчить последнюю новость чем-нибудь позитивным, а собирается удалиться с чувством исполненного долга, спешно пришла в себя. – Почему?

– Как «почему»? – всплеснул руками физрук. – Мне сказали, что ты в прежней школе всегда в таких мероприятиях участвовала. Значит, есть и опыт, и, главное, желание.

В прежней школе у Марины была по физкультуре «четверка» с натяжкой. Исключительно за старание. Потому что спорт и Лавренкова – понятия практически несовместимые. И кому только в голову пришло сложить их вместе?

– Кто сказал?

– Булатова Катерина, – честно выложил физрук. – Вы же с ней в одном классе учитесь.

Катя? Она, наверное, ошиблась. Или перепутала.

Марина так и хотела сказать, но физрук опередил:

– Короче, Лавренкова, я на тебя очень надеюсь. И вся

школа надеется. И...

Кажется, он еще про родину хотел добавить, но побоялся показаться чересчур пафосным: плохо сочеталось с тренировочным костюмом.

– В общем, в субботу в шестнадцать ноль-ноль на стадионе спортивной школы. Лучше прийти минут на двадцать пораньше, чтобы успеть переодеться и размяться, – проинструктировал физрук. – Впрочем, чего я тебе объясняю? Ты, наверное, и так знаешь. А я, со своей стороны, обещаю «пятерку» за четверть. Если, конечно, уроки пропускать не будешь.

– Но...

Марина все-таки решила объясниться, но физрук уже разглядел в коридоре кого-то другого, не менее ему необходимого.

– Кузнецов! Кузнецов, стой!

И он торопливо сорвался с места, а Марина побрела в класс.

Катя на ее приход внимания не обратила. Да она и на остальных не обращала внимания, сидела, уткнувшись в учебник. Марина плюхнулась рядом, нарочно с шумом, но Булатова даже ухом не повела, увлеченно листала учебник литературы, прикидывая, что ждет впереди. Поэтому пришлось ее окликнуть:

– Катя...

Она неохотно оторвалась от книжки, посмотрела вопро-

сительно.

– Это ты физруку посоветовала меня на «Веселые старты» записать?

Катя не стала отпираться:

– Ты же любишь всякие массовые мероприятия.

Ну да, Марина никогда не отлынивала от общественной работы, считала ее важной и нужной.

– Но не спортивные же! Одно дело, если болеть. Но не соревноваться ведь.

Катя с недоумением поджала губы и дернула плечом:

– А что там соревноваться? Не олимпиада же. «Веселые старты». Там и бегать-то как следует не надо.

По ее словам, все выходило легко и просто.

– А ты тоже участвуешь? – с надеждой поинтересовалась Марина, но Катя отрицательно мотнула головой.

– Нет, я не могу. Я после уроков сразу уезжаю с родителями.

– Куда?

Кажется, Катя не расслышала последнего вопроса, заговорила совсем о другом, воодушевляя Марину на подвиги:

– Да ты не бойся. Все хорошо будет. Подумаешь, «Веселые старты». Ерунда.

И отвернулась.

В субботу к пятнадцати сорока Марина добросовестно явилась в спортивную школу. Хотя бред, конечно. Марина –

и в спортивной школе!

Народу собралось много. Команда в основном состояла из учеников средней школы. Старшеклассников, вместе с Мариной, оказалось всего шестеро: три девушки и три парня.

Лавренкова напрасно два дня тешила себя надеждой, что среди них обязательно увидит Антона. Он же известный в школе спортсмен!

Ожидания не оправдались: одни незнакомые лица. Если они раньше и попадались Марине в школьной толпе, то она их совершенно не помнила.

Болельщики шумели, участники взволнованно ожидали начала соревнований.

Лавренкова насчитала пять команд. Пять школ. Куча народу на трибунах. Позор районного масштаба.

Уж лучше бы она просто пробежалась по дорожке, хотя и того не любила. А тут все поле заставили какими-то воротцами, перекладинами, огромными надувными препятствиями и автомобильными покрышками. Лавренкова за голову схватилась.

А вдруг придется скакать в мешке? Лучше уж бросать мячи в корзину или прыгать через скакалку. Но вроде нет, мешки не раздают.

Ребята-помощники принесли обручи. И мячи тоже. А потом кто-то подошел сзади, тронул Марину за плечо:

– На, держи!

Лавренкова развернулась и увидела... лыжи!

– Зачем это?

– Для эстафеты, – пояснили ей бесстрастно.

– Так трава же, – Марина указала пальцем вниз, на случай, если собеседник вдруг не в курсе. – Снега же нет. Как на лыжах-то?

– А вот так. По траве. Старты же веселые! – Собеседник старательно улыбнулся в подтверждение собственных слов. – Да держи ты скорей! Некогда мне с тобой стоять. – Всучил Марине инвентарь и отправился одаривать лыжами остальных счастливчиков.

Дальнейшее Лавренкова предпочла не запоминать. Хорошо, что сразу после стартового свистка сознание благоразумно отключилось.

Нет, Марина не грохнулась в обморок. Хотя лучше бы грохнулась. Она честно отработала все соревнования.

Падала она раз десять – не меньше! – под возмущенные вопли, довольное хихиканье и подбадривающие крики болельщиков. Когда бежала – хм! – на лыжах, когда перетягивала канат и делала еще что-то.

Забуть, как страшный сон!

А ведь Катя обещала, что будет легко: «Подумаешь, «Веселые старты». Ерунда!»

Ерунда? Кто бы знал, какая ерунда! И, между прочим, в десятом и одиннадцатом классах оценки за четверть не выводят. Только за семестр.

Кирилл

В воскресенье утром Кирилл проснулся от странного размеренного стука. Будто в квартиру случайно залетел дятел и теперь нервно и испуганно долбил все, что попадалось под руку. То есть под клюв.

Кирилл пошел на звук и очутился на кухне.

Тут его едва приоткрытые спросонья глаза разом распахнулись.

Отец, окруженный горой продуктов, увлеченно рубил ножом на разделочной доске что-то – или кого-то.

– Па-а-ап! – вырвался из горла Кирилла пораженный стон. – Ты готовишь?

– И что? – невозмутимо отозвался отец, не поднимая глаз. – Я же умею, ты это знаешь. И ты умеешь. Поэтому будешь мне помогать.

Происходящее перестало быть просто забавным и невероятным, Кирилл ощутил в нем что-то недоброе. Совсем чуть-чуть. Недоброе высунуло нос, а может, кончик уха, и затаилось, ловя момент. Оно было почти незаметно и притворялось пока легким разочарованием, на которое не стоило даже обращать внимание.

– Пап, то, что мы с тобой умеем делать, нельзя назвать словом «готовить». Тут больше подойдет «сообразить на

скорую руку», чтобы не умереть с голоду и не отравиться.

– Да ладно, сын! Не преувеличивай! – решительно возразил отец. – Неужели мы с тобой вместе не сможем справиться?

«Нет», – едва не ответил Кирилл. Справляться ему совсем не хотелось.

– А вообще это все по какому поводу? – Сын махнул рукой на заваленный снедью стол.

Отец наконец оторвал взгляд от ножа и образующегося под ним неопределенного крошева, посмотрел на сына:

– Ты что, забыл? У нас же сегодня гости. – Он смутился и поправился: – Точнее, гостья.

– А-а-а, – разочарованно протянул Кирилл.

Недоброе нагло вылезло во всей красе. Почему-то оно походило на Калерию Робертовну, только более вульгарную и гламурную, наряженную в блестяще-розовое.

Кирилл едва не плюнул с досады. Дался ему в последнее время этот нелепый образ!

Недоброе гордо выпятило подбородок, оттопырило пухлые губки и с превосходством глянуло на Кирилла.

– Я думал, мы в какой-нибудь ресторан... – уныло начал Кирилл, но отец не дал ему договорить:

– А я подумал, что дома будет гораздо спокойнее, уютнее и искреннее.

А еще, если Кирилл начнет выделяться и вести себя по-свински с новой кандидаткой в мамыши, этого по крайней

мере не увидит никто посторонний. Так?

Отец опять воодушевленно застучал ножом.

– Все равно. – Кирилл не собирался суетиться и надры-
ваться из-за какой-то там... – Можно же сходить в ближай-
ший гипермаркет. Там есть специальный отдел, продают го-
товые салаты и... чего там еще надо?

– А еще можно заказать пиццу, – с широкой фальшивой
улыбкой язвительно добавил отец. – И ходить никуда не при-
дется. Сами привезут прямо на дом.

Кирилл подхватил в тон:

– И правда! Чего же ты раньше не предложил?

Фальшивая улыбка мгновенно растаяла, отец посмотрел
сурово:

– Кирюш! Давай ты будешь вести себя как взрослый муж-
чина? Ты ведь себя таким считаешь?

Кирилл стиснул зубы и ничего не ответил. Недоброе по-
бедно заржало ему в лицо.

А отец не попытался превратить принявший неприятный
оборот разговор в шутку, разрулить все по-доброму, по-хо-
рошему. Типа: «Да ладно тебе. Хватит прикалываться». Не
стал успокаивать и убеждать.

Никогда еще отец не разговаривал с Кириллом с такими
интонациями – обидными и уничижительными. Видимо, та,
которую отец собирался привести в дом, была ему гораздо
дороже сына.

Да и ладно! Кирилл переживет. До окончания школы

осталось восемь месяцев, до совершеннолетия – и того меньше. И, наверное, получится не обращать внимания на новую папину жену. Не полезет же она сразу воспитывать взрослого незнакомого парня. Станет осторожно налаживать отношения.

Возможно, она и правда окажется ничего, будет похожа не на назойливую и деятельную Калерию Робертовну, а на мудрую Инну Владимировну. Только теперь Кирилл ни в заботе, ни в покровительстве не нуждается.

Посмотрим. Сегодня же вечером и посмотрим.

И Кирилл посмотрел.

Сначала раздался дверной звонок. Отец бросился открывать, и уже от долетевших из прихожей тихих голосов Кириллу стало не по себе.

Он не сразу понял почему. И только когда гостья появилась в проеме, ведущем из прихожей в столовую, уяснил со всей полнотой.

– Ну вот, знакомьтесь! – с легким волнением произнес отец и назвал имя.

Кирилл не расслышал, поскольку в этот момент мысленно произносил его сам: «Диана!»

Светлые пушистые волосы, темно-синее платье чуть выше колен, рожица Минни-Маус и невесомая приветливая улыбка, которую, кажется, нельзя сбить ничем.

Сначала Кирилл испытал лишь безмерное изумление, а потом все известные факты разом вылезли наружу, сложи-

лись в логические структуры и выводы.

Она же младше отца как минимум на пятнадцать лет. Она же совсем недавно... еще и месяца не прошло... а теперь – знакомьтесь?

– Да ладно, – Кирилл тоже попытался изобразить невозможность и доброжелательность. – Мы уже знакомы.

Теперь изумился отец, посмотрел на гостью. Она не возражала. Но и не совсем ответила. Склонила набок голову, вскинула одну бровь, вроде бы согласилась: «Ну да. Есть такое».

– Где это вы познакомились?

– На свидании, – невинно доложил Кирилл. – Вслепую.

– Шуточки у тебя, – проговорил отец чуть осуждающе, но в то же время благосклонно принимая сыновний ершистый юмор. Даже улыбнулся. И пригласил Диану к накрытому столу.

Отец очень старался, чтобы присутствующие чувствовали себя непринужденно и весело, чтобы не возникла вдруг напряженная тишина, возвещающая о том, что задуманное им мероприятие неудачно и неуместно. Он говорил почти без умолку, и гостя вежливо подпевала ему. И, конечно, быстро выяснилось, что Кирилл учится в школе.

Диана отреагировала спокойно, даже взглядом не напомнив о том, что ей-то Кирилла представляли как студента. Она оставалась такой же веселой, милой и уверенной в себе, как в прошлый раз, но, глядя на нее, создавалось впечатление, что никакого прошлого раза не существовало.

А он точно существовал: и флирт, и объятия, и поцелуй. Да, несерьезные. Да, мимолетные. И все же...

Они с отцом собираются пожениться, но вряд ли дождутся первой брачной ночи. И что тогда выходит?

Спит с одним. Это не мешает ей целоваться с другим. И не факт, что только с Кириллом.

Или Диана с отцом знакома не больше двух недель, и тот уже собрался на ней жениться?

Кирилл опасался пришествия второй Калерии Робертовны, но реальность завернула круче. И не сообразишь так сразу, как поступить. Поэтому за ужином он вел себя пайнкой, примерным мальчиком. Улыбался, кивал головой, разговаривал мало, почти не смотрел в сторону гостыи и не ждал момента, чтобы остаться с Дианой наедине и, глаза в глаза, задать ей мучившие его вопросы.

Такого момента и не представилось.

Отец, довольный, что все прошло отлично, одарил сына взглядом, полным уважения и гордости, и отправился провожать дорогую гостью.

Скорее всего он вернется домой только под утро. А может, даже вечером, после работы. И у Кирилла достаточно времени на то, чтобы хорошенько обдумать, о чем и как с ним говорить.

АНТОН

Мажарин стоял на остановке, дожидаясь подходящего троллейбуса. Или автобуса. Не важно, что первым придет. Липы, замершие ровным строем вдоль дороги, посыпали землю золотом, стараясь поддельным блеском прикрыть неприглядную осеннюю слякоть и пожухлую траву.

Листья-сердечки прилипали к мокрой крыше остановки и, замерев неподвижно, с любопытством и сочувствием смотрели сквозь прозрачный пластик на одинокого Антона.

Увядшие желтые сердечки, пока еще огненно-яркие, но уже не живые.

Золотой дождь лил и лил, усиливаясь от самого легчайшего порыва ветра, а ни автобус, ни троллейбус не торопились приезжать.

Зато к остановке подошла девчонка, притормозила возле стенда с объявлениями, вынула из висящей через плечо сумки листок бумаги и толстый клей-карандаш. Занятая делом, она не обратила внимания на Мажарина. Мало ли кто там стоит.

– Привет! – шагнул к девчонке Антон.

Она молниеносно обернулась на его голос и обрадованно заулыбалась:

– Ой! Привет! – Улыбка стала чуть виноватой. – А я и не

заметила, что это ты.

Она вообще рассеянная, эта Марина Лавренкова.

– Подрабатываешь? – Мажарин указал взглядом на бумагу и клей.

Марина замотала головой:

– Нет. Это бесплатно. Просто помогаю.

Она протянула листочек Антону, и он, не касаясь бумажки, скользнул глазами по тексту и цветным картинкам:

«Они вас любят и ждут»

Передвижная выставка-раздача животных в городе.

Начинаем новую акцию, направленную на то, чтобы как можно скорее пристроить «потеряшек» в новые семьи. Замечательная большая машина и прикрепленный к ней прицеп будут колесить по городу и знакомить жителей с нашими подопечными.

В первую поездку на поиск новой семьи отправляются:

1. Васька
2. Михеич
3. Найда-5
4. Джулька
5. Гард
6. Чук
7. Молли
8. Гол
9. Рекс-2

10. Лора

11. Щенок-23 (девочка темная)

12. Щенок-24 (мальчик рыжий)

13. Щенок-26 (девочка светлая).

А также:

кошки – 6 штук».

Собаки смотрели с фотографий на мир удивительно умными глазами. Внизу был напечатан номер телефона с припиской: «Если кто-то планирует посмотреть наших питомцев или передать какую-то помощь, пожалуйста, звоните».

Антон растерялся. О судьбах бездомных животных он никогда особенно не задумывался. Плохо, конечно, что они есть, жалко их. Но вот так, самому что-нибудь для них сделать – это ему в голову не приходило ни разу.

– А какая бывает помощь?

– Ну... как обычно, – Марина доведенным до автоматизма движением сняла с клея колпачок и, продолжая говорить, перевернула листок чистой стороной вверх. – Кормом, лекарствами или деньгами.

И вдруг ойкнула, уронила объявление и, словно маленький ребенок, засунула в рот указательный палец.

– Ты чего? – насторожился Антон.

– Порезалась, – объяснила Лавренкова, не вынимая пальца.

– Сильно?

Мажарин действительно забеспокоился, глядя на эту забавную девчонку, трогательно-симпатичную в своей неловкости и так по-детски отреагировавшую на случайную ранку.

Марина наконец-то вытащила палец изо рта, посмотрела на тонкий штрих пореза на подушечке и набухающие яркие капли, которые быстро сливались в красный ручеек.

– Да нет. Только кровь течет.

Она бросила в сумку клей.

Одна капля сорвалась, шлепнулась на асфальт, нарисовав на нем почти ровный кружок.

Антон отвел взгляд. Крови он не боялся, но от падающих на дорогу и желтые листья красных капель становилось не по себе.

Марина выудила из кармана куртки носовой платок, намотала его на ранку. Получилось не очень – большая пестрая конфета на палочке, которая к тому же плохо держалась.

– У меня, кажется, пластырь был, – спохватилась Лавренкова, но не стала уточнять, что носит его с собой вовсе не для неожиданных ран, а на случай, если обувь начнет натирать пятки.

Она запустила руку в сумку, открыла молнию на внутреннем кармашке, долго там шарила.

Оказалось, что распечатать упаковку с пластырем не так-то просто, если у тебя нормально действует только одна рука, а второй ты пытаешься держать сразу и саму упаковку, и постоянно норовящую свалиться повязку.

– Давай помогу, – самоотверженно предложил Антон.

Он решительно отобрал у Марины упаковку, извлек полосу пластыря. Потом потянул к себе лавренковскую руку – Маринина ладонь была мягкая и очень теплая. Потом торопливо сдернул неуклюжую повязку, приложил к ранке пропитанный антисептиком квадратик марли и туго обвил вокруг пальца липкие края.

– Ну все. Жить будешь.

Марина со странным выражением лица оглядела перетянутый пластырем палец. Вроде бы любуясь. Но чем? И улыбнулась:

– Спасибо.

Антон подобрал с асфальта объявление. Оно ничуть не испачкалось и не измялось.

– Дай-ка клей...

Лавренкова в очередной раз залезла в сумку, достала и послушно протянула Антону клей-карандаш.

Мажарин мазнул лист вдоль коротких сторон и прилепил его на стенд. Аккуратно разгладил, проверил, хорошо ли держится. И совсем неважно было то, что за последние пять минут к остановке подъезжал и нужный ему автобус, и два троллейбуса гостеприимно распахивали двери, ждали, а потом, разочарованно фыркнув, ни с чем отправлялись дальше.

Катя

И кому только в голову пришла эта великолепная идея? Завучу по внеклассной работе? Или самой директрисе? А может, весь педсовет разом озарила мысль о том, что лицею – ну вот просто позарез! – необходима своя королева. И выбрать ее решили из самых лучших старшеклассниц. По одной кандидатке от каждого из четырех девятых, двух десятых и двух одиннадцатых. Итого – восемь претенденток на корону. Теоретически. А фактически – найти бы хоть одну, которая пожелает позориться перед всей школой.

Катю вопрос о кандидатуре королевы не волновал. Все равно никто не поддержит эту дурацкую затею с выборами. Даже в голосе Елены Валерьевны, когда она объявляла своим ребятам о предстоящем конкурсе, звучало сомнение:

– Надо выбрать одну девочку от класса. Может, общим решением. А может, кто-то сам свою кандидатуру предложит. То есть сама.

– Мы подумаем, – пообещали десятиклассники.

Катя надеялась, что это они просто так, чтобы отмазаться. Но оказалось – серьезно.

Девчонки остались после шестого урока, вытолкали прочь парней – толку-то от них! – расселись по местам и замолкли.

Правда, думали!

– Ну и кого? – первой подала голос нетерпеливая Кривицына. – От одиннадцатого «А», я слышала, Перелепко будет.

– Правда, что ли? – недоверчиво переспросил кто-то.

Настю Перелепко многие знали.

Она, конечно, не красавица. Разве что по-модельному высокая и худая. Зато умная, самодостаточная и самоуверенная. Напористая и основательная, как асфальтовый каток. Наедет своим непререкаемым авторитетом и непоколебимой правильностью, добьет эрудицией, и все перед ней полягут.

Но все-таки не красавица.

– Никто не хочет? – опять выступила Кривицына и обернулась к Кате.

Булатова уже хотела сказать ей что-то типа: «А чего ты на меня-то смотришь?», но тут испуганно пискнула Самсонова:

– А можно, я?

Самсонова, несомненно, гораздо симпатичней Насти Перелепко из одиннадцатого «А». Но даже соседка по парте и лучшая подруга Кривицына посмотрела на нее довольно странно. А Катя не только посмотрела, но и высказалась:

– Дашенька! А ты в курсе, что там не в купальнике придется дефилировать, а на умные вопросы отвечать и какую-то презентацию проводить? Ты же в классе у доски, как замороженная.

– Почему это? – попыталась возмутиться Самсонова, но быстро сдулась, поникла, как увядший раньше времени цветок.

Девчонкам стало ее жалко, каждая про себя подумала, что Булатова выступила непростительно грубо и насмешливо. Но только одна Лавренкова произнесла слух:

– Кать, зачем ты так?

И уставилась прозрачными чистыми глазами. Прямо-таки честь и совесть.

Катя невозмутимо вздернула брови:

– Ну вы же вроде как победить хотите, а не опозориться.

И невозможно было не обратить внимания на это разделительное «вы», намеренно противопоставленное высокомерному «я».

– Катя, ну что ты? – миролюбиво продолжала гнуть свое защитница Лавренкова. – Даша ни капли и не опозорится.

– Ой, да пожалуйста! – с нарочитой доброжелательностью и энтузиазмом воскликнула Катя. – Я же не против. – Она встала с места, подхватила сумку, двинулась к выходу и, проходя мимо, по-приятельски хлопнула Самсонову по плечу: – Вперед, Дашуля! Порви их всех! Я в тебя верю.

Махнула всем на прощание рукой и скрылась за дверь.

После Катиного ухода девчонки молчали минуту, как будто ждали, пока окончательно растают, выветрятся следы булатовского подавляющего присутствия, а потом повернулись к Самсоновой.

– Ну что, Даш? Значит, ты будешь участвовать?

Самсонова тоже вскочила, заявила громко и отчетливо:

– Нафиг. Не буду. Не хочу.

– А кто тогда?

Желающих больше не нашлось.

На следующий день поинтересовались у классной:

– Елена Валерьевна, а обязательно кому-то... в этом конкурсе...

Химичка прямо не ответила, украдкой вздохнула. Получалось, что обязательно.

– Неужели нет достойных? Ой, девочки, не поверю.

Она обвела глазами класс, чуть дольше, чем на других, задержав взгляд на Кате.

Весь десятый «А» прекрасно знал, кто может победить, кто настоящая королева. Люба Красикова так прямо и заявила, стоя после уроков в раздевалке с курткой в руках:

– Пусть Булатова участвует.

Не все представительницы прекрасной половины десятого «А» присутствовали при этом. Маринки Лавренковой, например, не было. А Катя была, хотя никто об этом не подозревал. Девчонки думали, что Булатова где-то далеко, а она спокойненько сидела на стульчике за деревянной решетчатой перегородкой с другой стороны раздевалки и все слышала.

Подслушивала. Ну да, подслушивала. Интересно же!

– Почему она? – в праведном гневe возопила Кривицына.

Если честно, Красиковой были до лампочки и конкурс, и моральные качества претендентки на трон. Она выбирала объективно (и чуть-чуть по принципу: «кто угодно, лишь бы

не я»):

– Катька красивая, умная, ничего не боится. И учителям нравится. Даже директриса к ней хорошо относится. У нее больше всех шансов.

А Кривицыной, наоборот, плевать было на объективность:

– Надоела ваша Булатова. Почему везде только она? Сколько можно? По-моему, она и так слишком много о себе воображает.

Ей не возразил ни один голос.

Даже Кате не захотелось возражать, оправдываться, мысленно убеждать невидимых собеседников, что это неправда, что она хорошая, милая, добрая и вообще вся такая белая и пушистая. Она только ухмыльнулась: «Надо же! Бунт на корабле. А вот в глаза так никто и не сказал до сих пор. Решают за спиной. Тоже мне, интриганки!»

Катя так увлеклась подслушиванием и собственными мыслями, что не заметила, как кто-то тихонько подошел, уселся на соседний стул и ненароком подключился к ее шпионской игре. А девчонки в раздевалке продолжали обсуждать:

– Кого же тогда? Если не Катьку?

Несколько мгновений тишины. Решительной такой, многозначительной тишины, от которой даже висящие на вешалках куртки и пальто напряженно застыли.

– Ну-у-у... – неуверенно протянула Кривицына, а потом

вдруг резко бросила, как отрубил: – Давайте Лавренкову.

Ее неожиданное предложение словно открыло коварно запертую кем-то дверь и выпустило на свободу многоголосый шелест:

– Лавренкову? А что? А правда!

– Ну ты завернула, Наташка!

– Не, ну ведь классно!

– Лавренкову вместо Булатовой?

– Конечно, Лавренкову!

Соседний стул испуганно скрипнул. Катя едва не подскочила от неожиданности, молниеносно развернулась и увидела возле себя – ага! – новоиспеченную претендентку на королевскую корону, так демократично избранную большинством голосов.

Спасу от нее нет. Куда ни ткнешься, везде она! И когда только успела подкрасться? Впрочем, не важно.

Губы сами скривились и тихо издевательски выдохнули:

– Поздравляю.

Марина

– Поздравляю, – сказала Катя Маринке.

И не разберешь, с какими точно интонациями: зло или с сарказмом.

Янтарные Катины глаза улыбались, но не по-доброму. Насмешливо, снисходительно и, кажется, чуть-чуть сочувственно.

Марина заметила Катю сразу, как только спустилась по лестнице и подошла к раздевалке, планируя переодеться и двинуть домой. Булатова сидела неподвижная, задумчивая, и Марине захотелось спросить, почему она такая.

Лавренкова тихо приблизилась, привычно опустилась на соседний стул, но так ничего и не сказала – тоже уловила разговор одноклассниц за вешалками и просто не смогла встать и отойти. Все-таки речь шла о ней, о Марине.

Услышав об уготованной ей участи, Лавренкова тревожно заерзала, и стул предательски скрипнул. Катя мгновенно обернулась на звук, секунду изумленно пялилась на Марину, чудом оказавшуюся рядом, а потом поздравила. И сразу поднялась с места, не слушая, что там лопочет ошарашенная соседка:

– Какое «поздравляю»? Мне оно надо? Я еще в своем уме. Да ни за что!

Слова сыпались в пространство и беспомощно падали на пол, не долетая до Кати. Той было безразлично. Тем более как раз в этот момент запел телефон.

Катя достала мобильник из сумки, быстро глянула на экран и остановилась.

– Тоша, привет! Что случилось?

Марина сразу отметила, как мгновенно изменилось – смягчилось и подобрело – Катино лицо. И голос стал другим – нежным, звонким.

Понятно. Ей же Антон позвонил.

Катя больше не торопилась уходить, стояла и болтала:

– Тох, ну честно, прямо сейчас не могу. Давай позже.

Слегка извиняясь, чуть капризно, но твердо. И Антон подчинился.

А Марина...

На месте Кати она не раздумывая бросила бы все и помчалась – куда угодно, когда угодно, сейчас так сейчас. И даже хорошо, что без промедления, сразу, что до встречи всего несколько мгновений.

Да только Мажарин звал вовсе не ее.

Антон и Катя – очень красивая, очень гармоничная пара. Невероятно подходят друг другу. И все остальные воспринимают их пару как данное. А Лавренкова тут ни при чем. Ну никаким боком не прилепляется она к этому идеальному союзу, даже пытаться не стоит. Да и подло это, нечестно – засматриваться на чужих парней.

Пока Марина мысленно боролась с мечтами и наставляла себя на путь истинный, Катя ушла. А тут из раздевалки вылезли девчонки. Увидев Лавренкову, они радостно загомонили:

– Ой, Маринка! Ты здесь! Надо же, как удачно!

И торжественно объявили о только что принятом решении по поводу королевского конкурса.

У Марины чуть не вырвалось грубоватое: «Совсем рехнулась!» Ей и «Веселых стартов» за глаза и за уши хватило. Но она сдержалась:

– Нет, нет. Да вы что? Я не могу, совсем не могу! У меня боязнь сцены.

– Правда, что ли? – недоверчиво уставилась Кривицына.

– Ну да. Коленки сразу дрожат, и голос пропадает. Могу даже в обморок хлопнуться, – со всей возможной убедительностью заверила ее Марина.

Кривицына разочарованно вздохнула:

– Кого же еще?

Марина вскочила со стула.

– Наташа, а ты? – Она обвела взглядом остальных одноклассниц, требуя поддержки. – Ты такая уверенная в себе, решительная. И очень симпатичная!

Кривицына растаяла от комплиментов, смущенно потупилась.

– Ну-у-у, не знаю. Получится ли?

– Конечно, получится! – без тени сомнения воскликнула

Марина.

Девчонки воодушевленно поддержали ее, и Наташа согласилась.

Правда, королевой она не стала. Да и асфальтовый каток Настя Перелепко титула тоже не добила. Корону получила Юля Молчанова из одиннадцатого «Б», которая здорово пела, да и вообще была милой, доброй, умной девушкой с очаровательной улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.